

ЗАХАР СОРОКИН

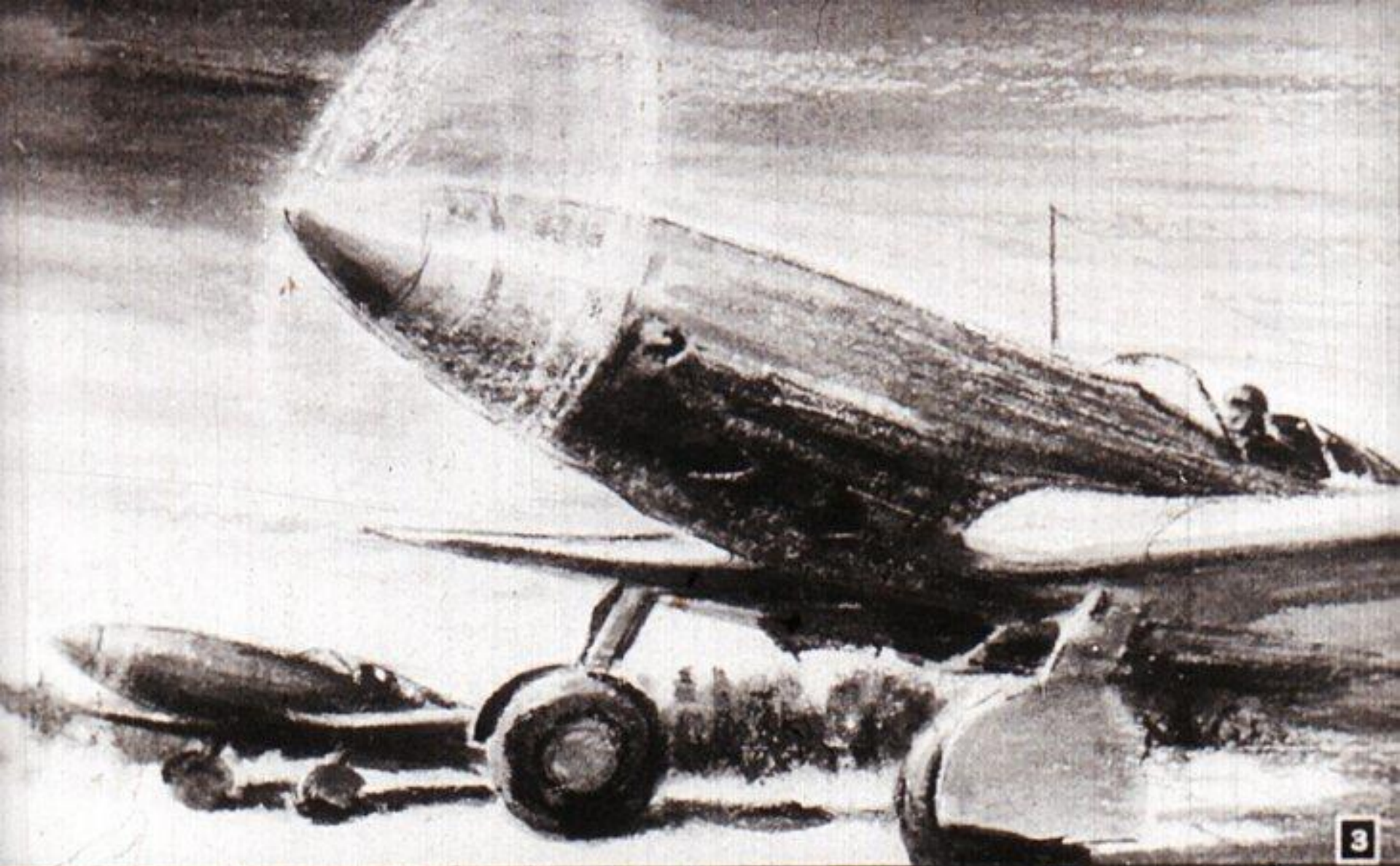
Самолёт
не вернулся

ХУДОЖНИК. А. ГОДОВ

Ребята! Автор этого диафильма – Герой Советского Союза лётчик Захар Артёмович Сорокин. В годы Великой Отечественной войны он сражался в Заполярье. После одного из боёв с Захаром Артёмовичем случилась беда – ему ампутировали обе ноги. Но, как и Алексей Маресьев, он вернулся в строй и до конца войны сбил ещё 12 самолётов врага.

Об одном эпизоде из своей боевой жизни он сам расскажет в этом диафильме.

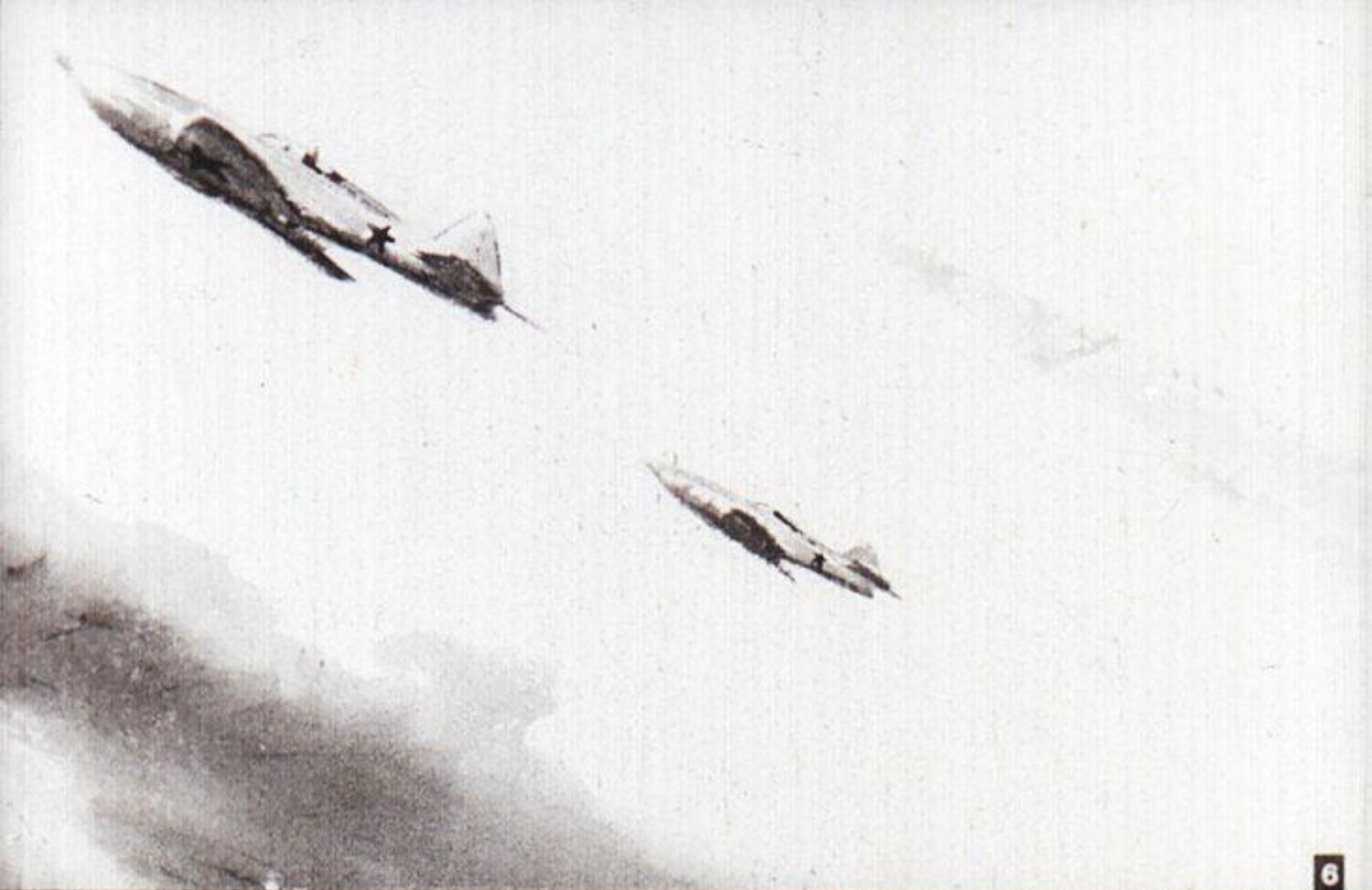
25 октября 1941 года я и мой товарищ Дмитрий Соколов находились в кабинах своих истребителей, готовые по боевой тревоге подняться в воздух.

С командного пункта взвилась ракета. Это был сигнал: „Воздух“. Наши истребители пошли на взлёт.

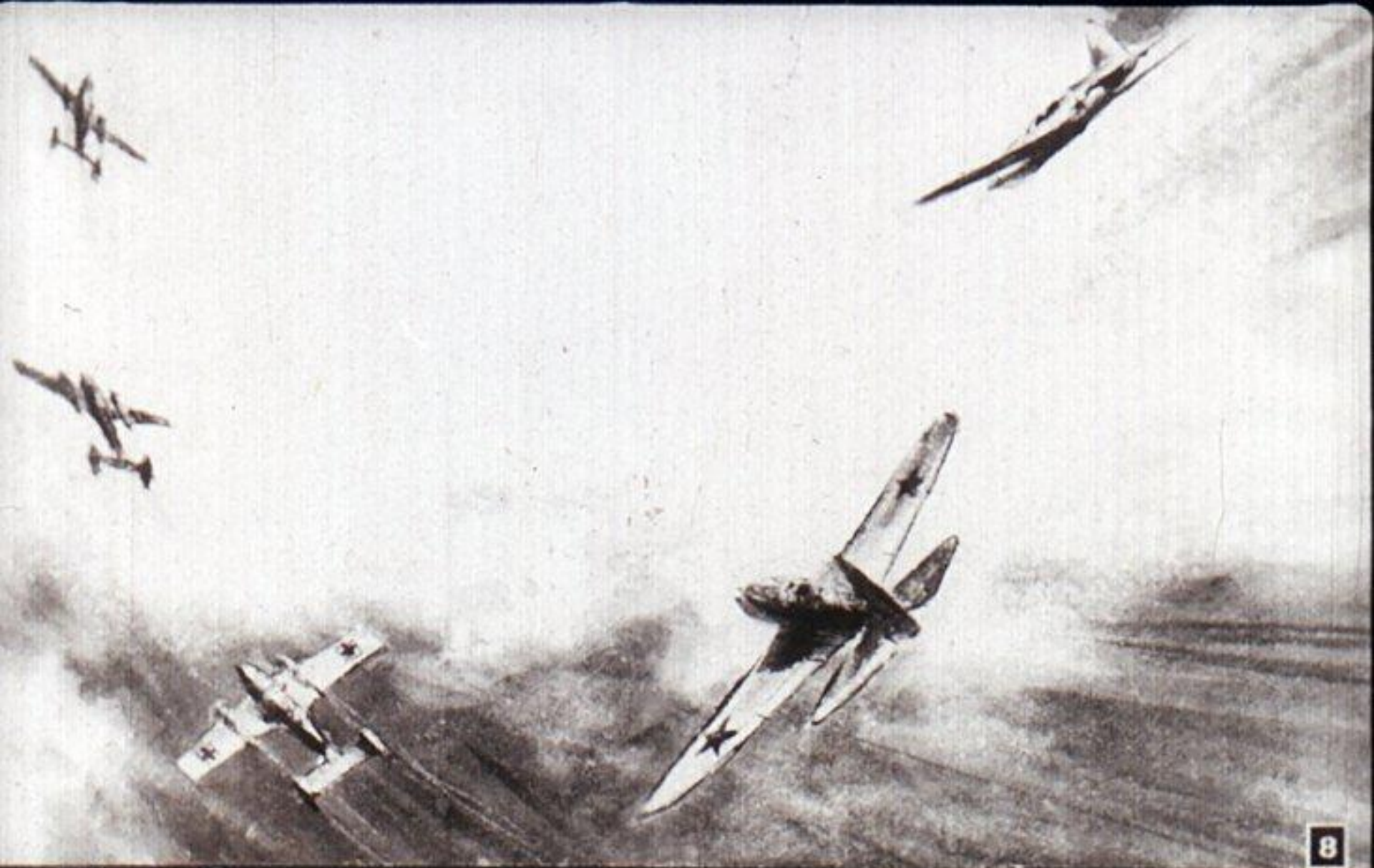
Сверху хорошо было видно, как мелькают под крыльями самолёта замёрзшие озёра и реки, в беспорядке разбросанные гранитные валуны.

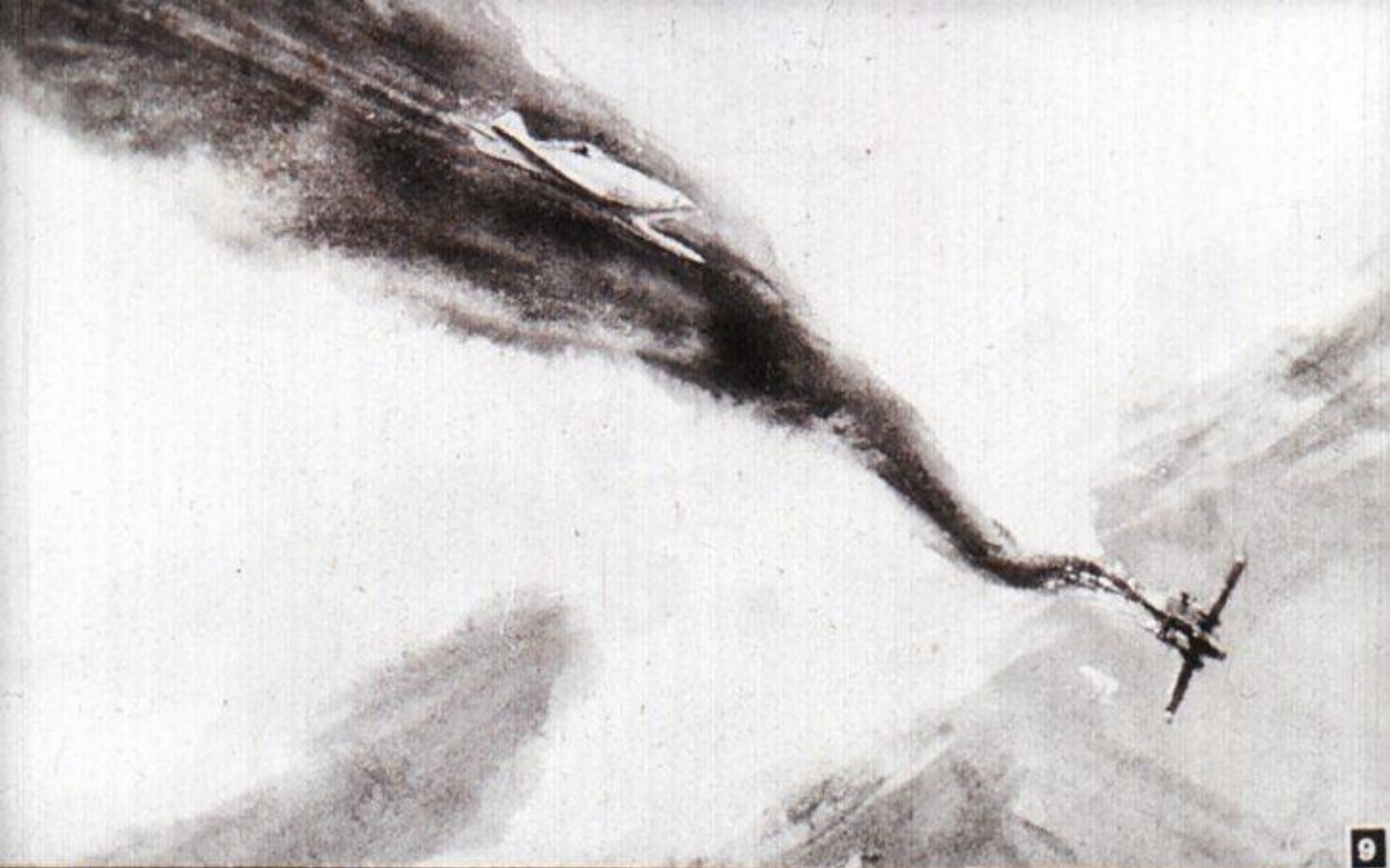
Вскоре привычная картина исчезла: мы вошли в облачность и начали пробиваться вверх, набирая высоту.

И тут неожиданно показались четыре вражеские машины. Они шли курсом на Мурманск.

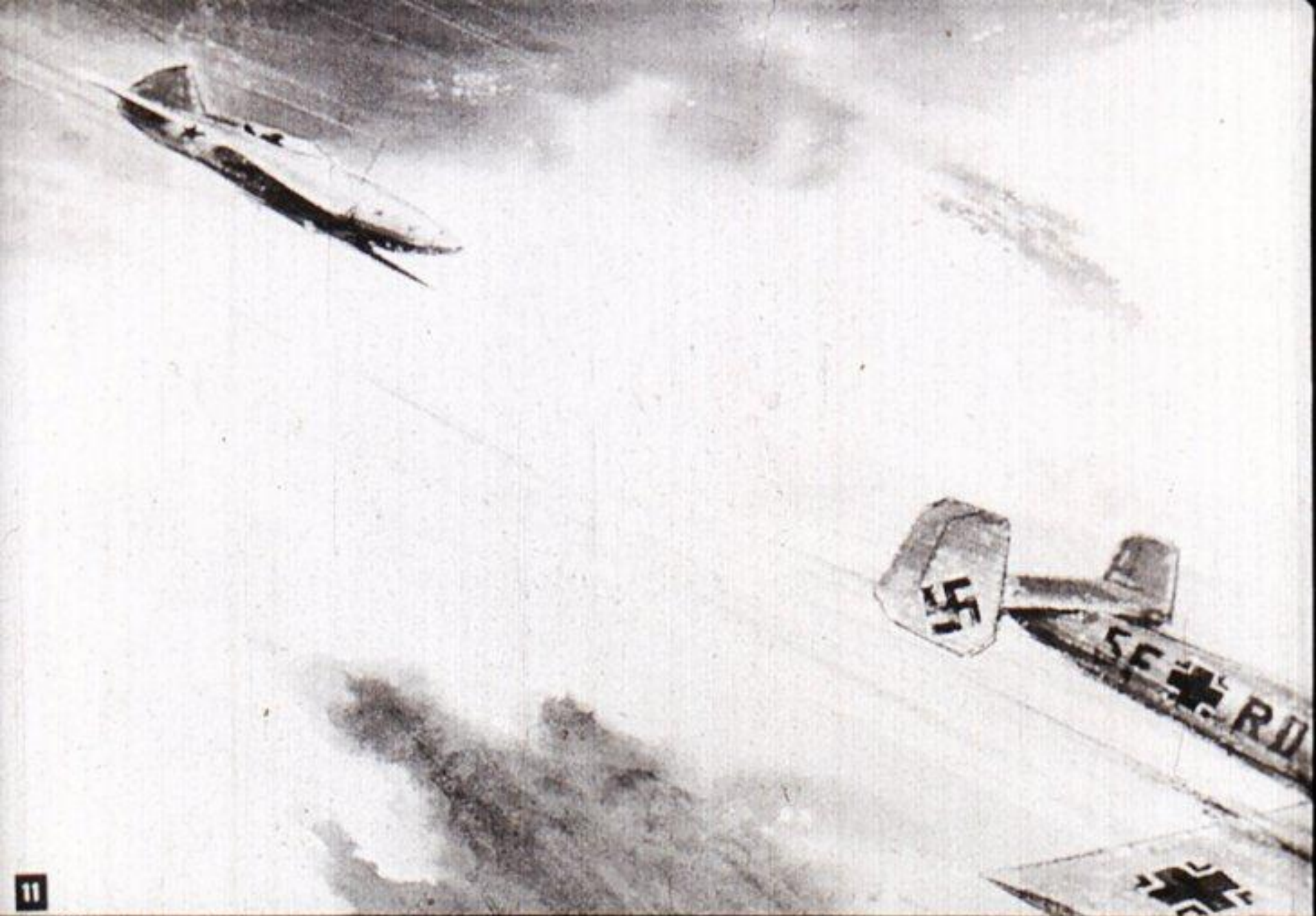
Мы с Соколовым, не теряя ни секунды, пошли на сближение с противником. Хорошо уже видна чёрная свастика на хвосте: это были „Мессершмитты-110“.

С высоты я бросился на ведущий самолёт врага. Дал пулемётную очередь. „Мессершмитт“ загорелся и быстро понёсся к земле.

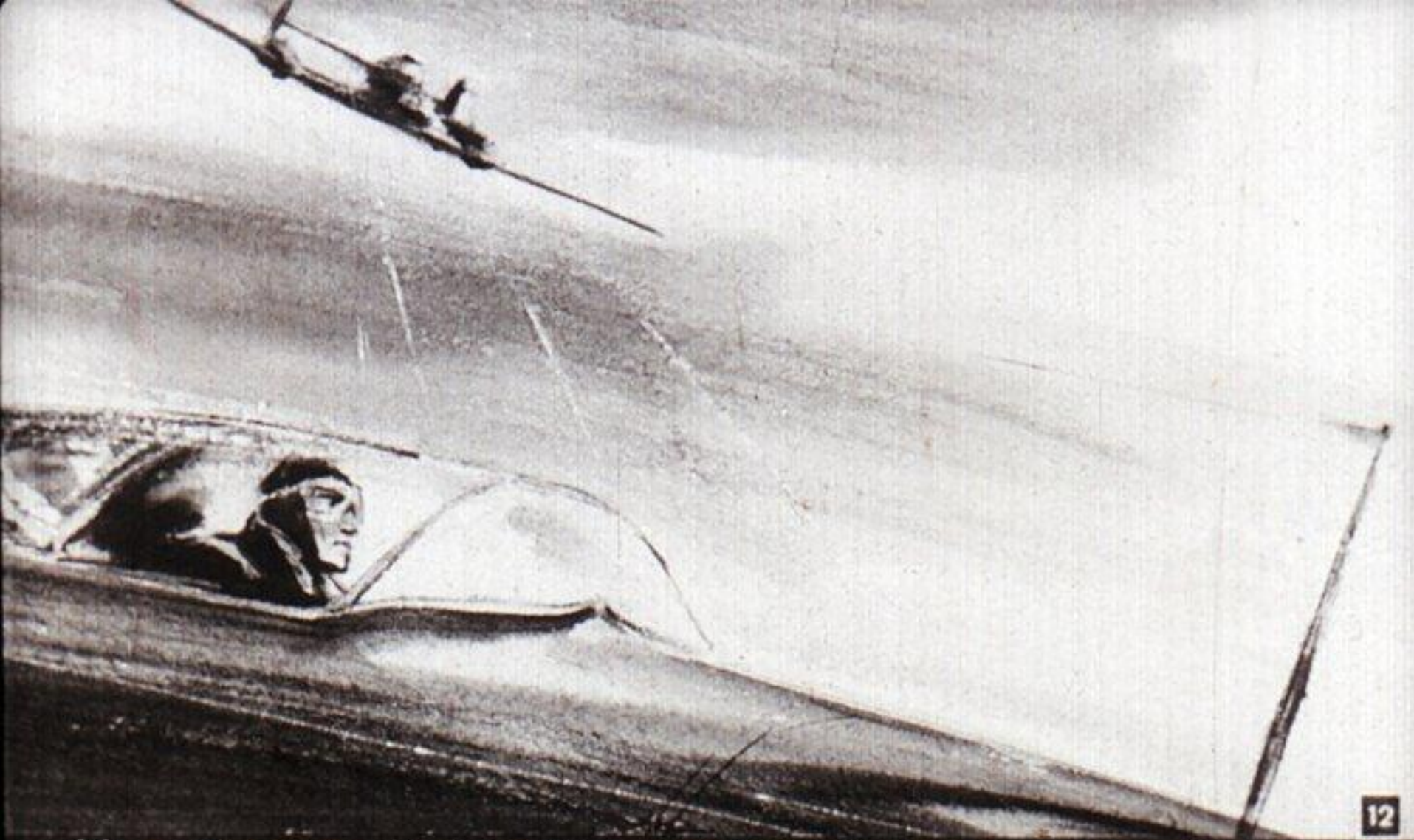

—Один есть!—с восторгом крикнул я Соколову. Потом я рванул свой истребитель влево и пристроился ко второму „мессеру“.

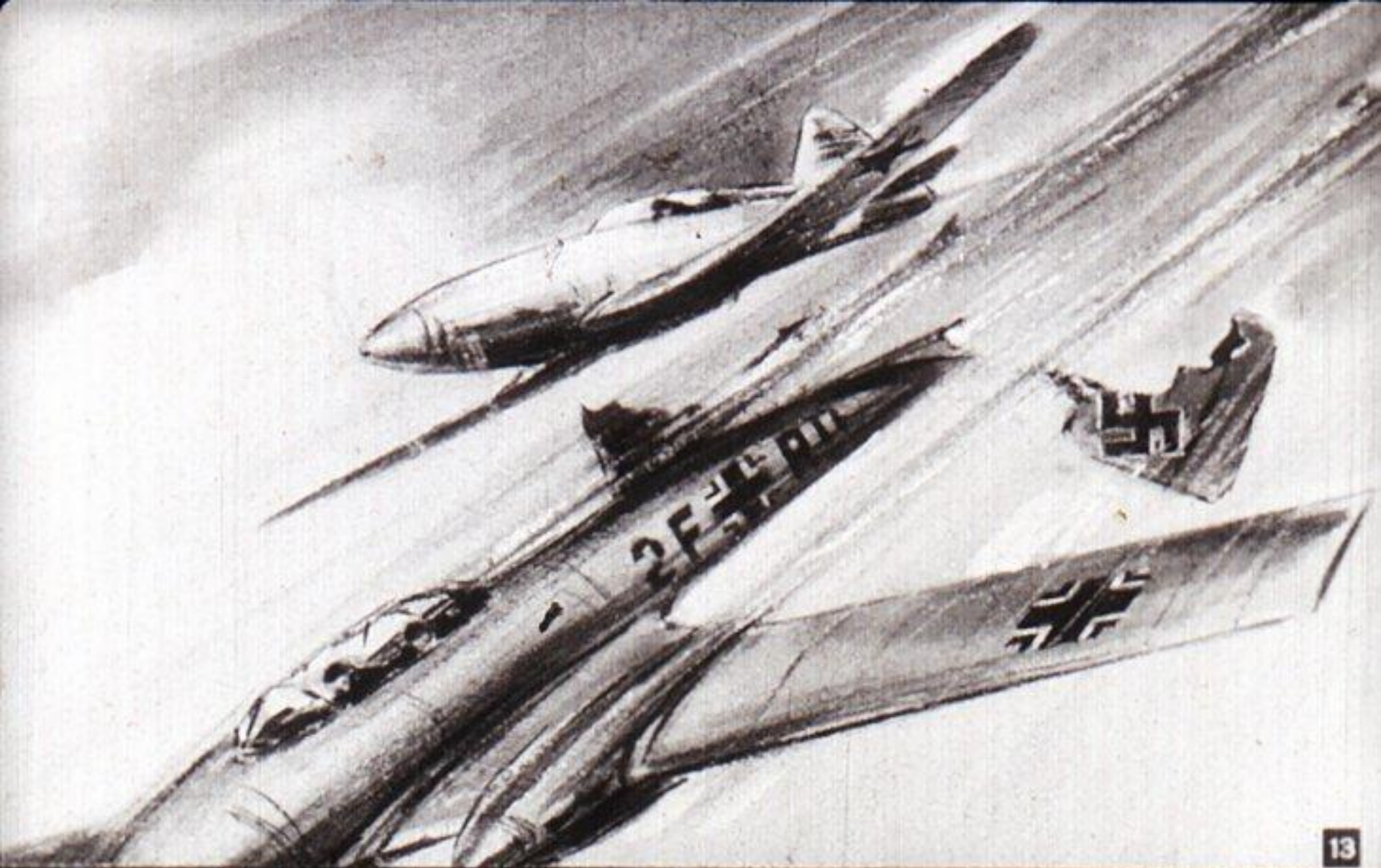

11

За третьим поспешно погнался Дмитрий Соколов.

Из облаков вынырнул четвёртый гитлеровский самолёт. У меня кончились патроны. Тут вражеские пули хлестнули по кабине моей машины, и я почувствовал тупой удар в правую ногу.

Ранен! И патронов нет. Выход один – таранить! Винт моего истребителя рубанул по хвосту фашистского бомбардировщика, и тот пошёл вниз.

Мой самолёт тоже повреждён. Невероятно быстро бежит навстречу земля. Ясно видны сопки и крутые гранитные скалы. Куда садиться? Куда?

Приземлился я удачно. В последний момент, как чудо, возникло небольшое замёрзшее озеро, и я посадил машину на лёд.

Открыв колпак кабины, я услышал рокот мотора. Над моей головой пронёсся истребитель Соколова. Он стрелял из пулемётов, как будто предупреждая о чём-то! Но о чём?

стал вылезать из кабины. Вдруг я уловил собачий
К моему истребителю нёсся огромный пёс.

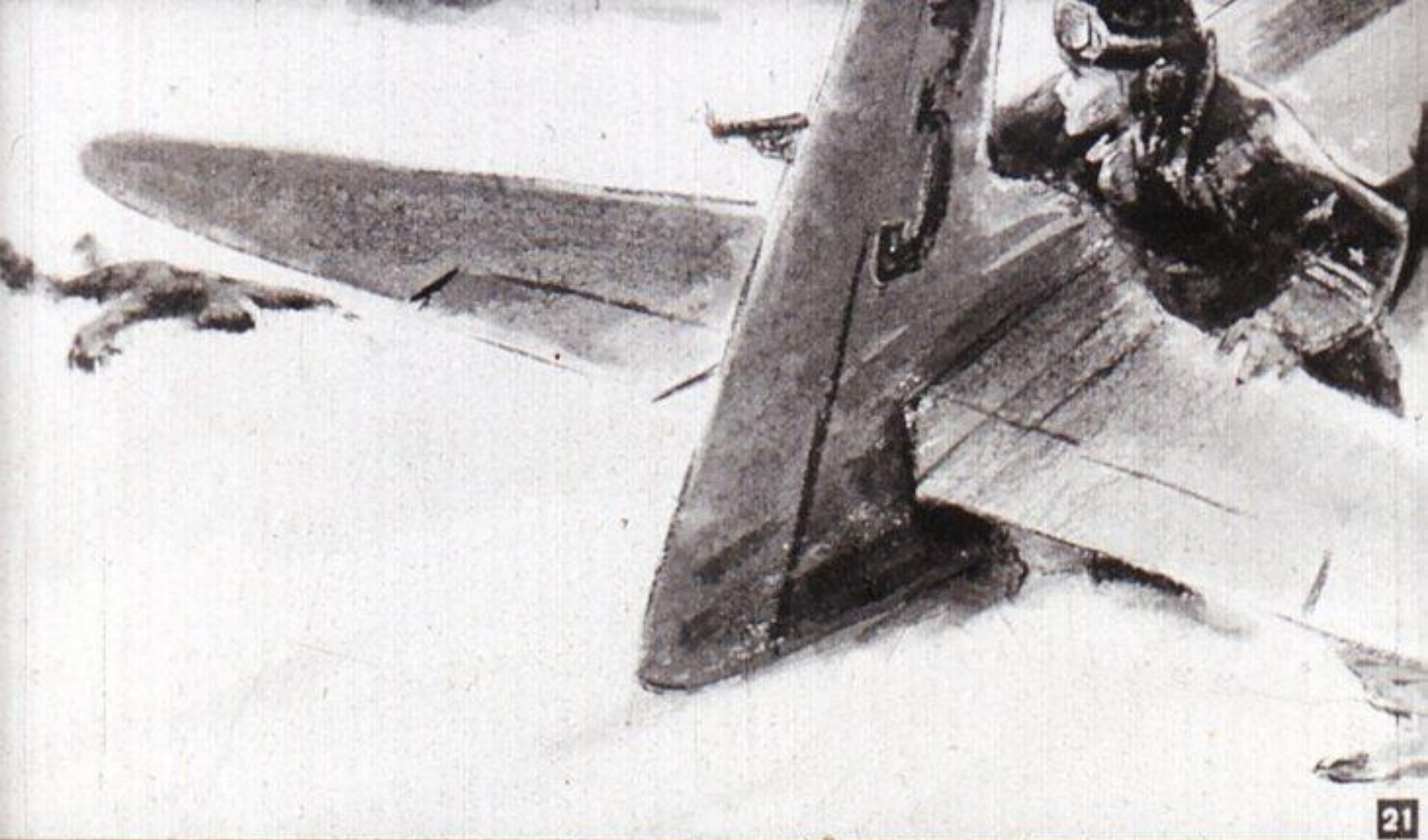
Я быстро захлопнул колпак. Вовремя! Через стекло на меня смотрела клыкастая морда дога. И тут я сообразил: некоторые фашистские лётчики летают со служебными собаками. Я вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в собаку.

Потом я осмотрелся. У подножия сопки на льду озера лежал „Мессершмитт“. Подбитый мною самолёт приземлился здесь же.

Но, возможно, фашистский лётчик погиб? Словно в ответ морозный воздух прорезал выстрел. К моему самолёту, проваливаясь в снегу, неуклюже двигалась тёмная фигура в лётном костюме.

Я выскочил из кабины и, присев за самолётом, прицелился в гитлеровца. Выстрел – и фашистский лётчик схватился за живот. Ещё выстрел – он свалился в снег и растянулся.

Я взглянул в ту сторону, где лежал „мессер“, и вдруг...
Что такое? Перебегая от валуна к валуну, ко мне
приближался второй лётчик. Он начал стрелять. Я
дал ответный выстрел.

Перестрелка длилась до тех пор, пока фашистский лётчик не растратил свои патроны. Тогда он поднялся из-за гранитного валуна и на ломаном русском языке крикнул: „Рус, сдавайс! Рус, не уйдёшь!“

Я двинулся навстречу врагу. Идти было трудно. Нестерпимо болела и подворачивалась правая нога. Мы медленно сближались.

Я поднял пистолет для решающего выстрела... Осечна!

В этот момент гитлеровец прыгнул на меня и полоснул финкой по лицу. Я упал, крепко ударившись об лёд, и потерял сознание.

Я пришёл в себя оттого, что почувствовал, как фашист цепкими пальцами давит мне горло. Ещё немного – и он задушит меня.

Напрягая последние силы, я оторвал руки гитлеровца от своей шеи. Опять рывок — и фашист отлетел в сторону.

Шагах в трех от меня лежал мой пистолет. Я схватил его, выбросил из ствола патрон, давший осечку, и выстрелил в грудь фашистского лётчика. Всё!

30

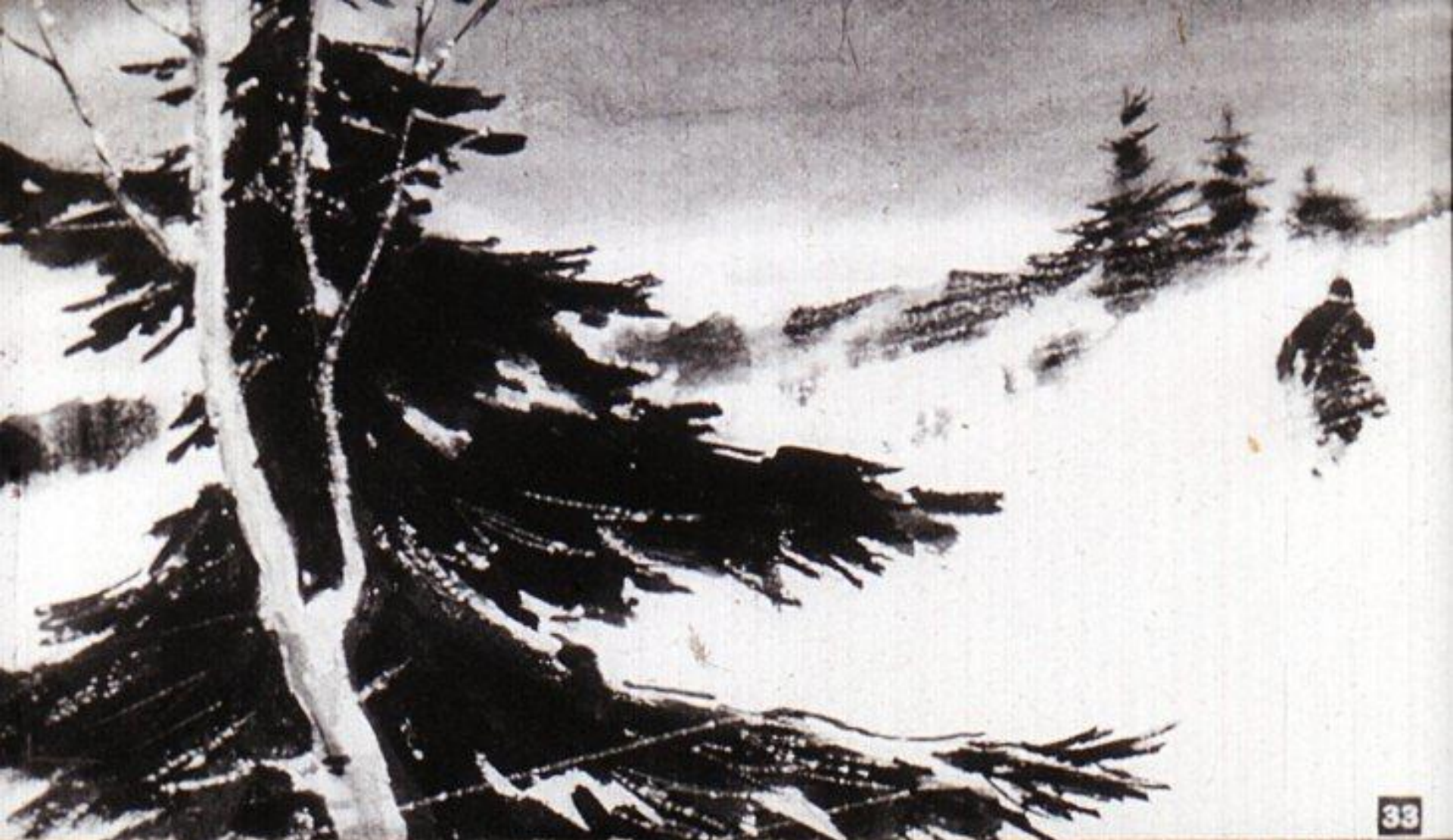
Отходя в сторону, я прислонился к гранитной скале. Меня била мелкая отвратительная дрожь. В голове всё перепуталось: бой, вынужденная посадка, рукопашная схватка, выстрелы.

Финка фашиста вспорола правую щёку, рана вспухла. Я снял с шеи шерстяной шарф и замотал им лицо. Вдобавок разболелась раненая нога.

Началась метель. Ветер рвал полы расстёгнутого реглана. В мозгу билась тревожная мысль: „Неужели упаду, погибну теперь, когда спасся от верной гибели?“

Нет! Я должен жить. Я должен пройти по сопкам все километры, которые отделяют меня от своих. И я пошёл, пошёл в том направлении, куда улетел мой ведомый Дмитрий Соколов.

Я шёл и шёл, стараясь не терять направления. Тяжело ступая на раненую ногу, карабкался на сопки по глубокому снегу. Немного отдыхал и спускался вниз. И так без конца...

Ветер утих, разогнав снежные тучи. В темноте за-
блестели редкие звёзды. Небосвод затянуло блед-
ной пеленой, и по нему забегали быстрые, как мол-
нии, лучи. Это было северное сияние.

Но северное сияние полыхало недолго. Небо опять потемнело, нахмурилось, и жгучий мелкий снег снова стал бить мне в лицо.

На трети сутки моих странствий я услышал чьё-то дыхание. Недалеко от меня шёл полярный волк.

**Я поднял ракетницу и выстрелил в серого. Волк
шарахнулся в сторону и скрылся в сопках.**

Идти становилось всё тяжелее и тяжелее. Потерял счёт дням. Иду от валуна к валуну, от берёзки к берёзке. Почему-то совсем не мучает голод.

Вышел из лесу и увидел, что передо мною озеро. Обходить берегом? Далеко. Ступил на лёд, сделал несколько шагов и... провалился по пояс в студёную воду.

Брюки и бурки промокли, отяжелели. Тогда я решил развести костёр. Собрал кучу валежника и выпустил в неё последние ракеты. Валежник не загорелся.

Пришлось идти дальше. От холода я не чувствовал ног.

Когда совершенно обессилел, — упал, а потом пополз.

...На шестые сутки я услышал отдалённый гудок корабля. Из последних сил вснарабкался на сопку.

Передо мною открылось море, а вдали виднелись дымки кораблей. Дошёл!..

КОНЕЦ

Редактор В. Кузнецова

Художественный редактор А. Морозов

Д-22-65

Студия „Диафильм“, 1965

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20